

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>

2025, № 10 / 2025, Iss. 10 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 398.2

Фольклорное и антропологическое истолкование сюжета о Золушке

¹ Пospelova O.C.,

¹ Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: эта статья рассматривает фольклорное и антропологическое истолкование сюжета о Золушке: как исследователи XX-XXI века интерпретировали данный сказочный сюжет, какой смысл был в нем заложен и как развивался не только сюжет, но и сказочный образ, на протяжении веков и в разных социальных условиях. Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы определить значение для людей сюжета и образа Золушки в начале его бытования в устной традиции и влияние все большей популяризации сюжета/образа в современном медиапространстве. Новизна работы заключается в том, что в ней был произведен анализ исследований фольклористами и антропологами сюжета и образа Золушки, была сопоставлена изначальная трактовка сюжета о Золушке и его значение в начале бытования в качестве фольклорной и литературной сказки, а также трансформации образа Золушки и его значение в современной художественной литературе. Материалом исследования послужили избранные теоретические работы XX-XXI веков, а в качестве примеров из фольклора и художественной литературы взяты избранные тексты XVII-XXI веков, содержащие в своей структуре сюжет о Золушке.

Ключевые слова: Золушка, Зольник, сказочный сюжет, инициационный сюжет, трикстер, медиатор

Для цитирования: Пospelova O.C. Фольклорное и антропологическое истолкование сюжета о Золушке // Modern Humanities Success. 2025. № 10. С. 48 – 54.

Поступила в редакцию: 5 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 августа 2025 г.; Принята к публикации: 29 сентября 2025 г.

Folklore and anthropological interpretation of the Cinderella story

¹ Pospelova O.S.,

¹ Russian State University for the Humanities

Abstract: this article examines the folklore and anthropological interpretation of the Cinderella story: how researchers of the 20th and 21st centuries interpreted this fairy tale plot, what meaning was embedded in it, and how not only the plot, but also the fairy tale image developed over the centuries and in different social conditions. The purpose of this study is to determine the meaning of the plot and image of Cinderella for people at the beginning of its existence in the oral tradition and the influence of the increasing popularization of the plot/image in the modern media space. The novelty of the work lies in the fact that it analyzed the research of folklorists and anthropologists on the plot and image of Cinderella, compared the original interpretation of the plot of Cinderella and its significance at the beginning of its existence as a folklore and literary fairy tale, as well as the transformation of the image of Cinderella and its significance in modern fiction. The research material was based on selected theoretical works of the 20th-21st centuries, and selected texts of the 17th-21st centuries containing the plot of Cinderella in their structure were taken as examples from folklore and fiction.

Key words: Cinderella, Askeladd, fairy tale plot, initiation plot, trickster, mediator

For citation: Pospelova O.S. Folklore and anthropological interpretation of the Cinderella story. Modern Humanities Success. 2025. 10. P. 48 – 54.

The article was submitted: June 5, 2025; Approved after reviewing: August 3, 2025; Accepted for publication: September 29, 2025.

Введение

В 1930-е годы исследование сказок, мифологии и создание фантастических миров получают все большее распространение в европейском литературном сообществе. В 1939 году Джон Р.Р. Толкин публикует эссе «О волшебных сказках», в котором профессор отмечает, что похожий сюжет может быть замечен в тысячах точках мира, поэтому найти и установить точное место происхождения или популяризации того или иного сказочного сюжета является невыполнимой для филолога задачей. Мы хотим отметить, что, в случае сказки «Золушка», сюжет хотя и был заимствован несколькими странами у своих ближайших соседей, однако чаще зарождался благодаря бытовым ситуациям той или иной местности. Поэтому, говоря про сюжет о Золушке в древние времена, мы можем отметить лишь заимствования только между находящимися по соседству государствами. Персонажи сказки и их взаимоотношения являются теми элементами, которые могли и не заимствоваться из стороннего произведения, так как являются иллюстрацией обычной бытовой ситуации.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования фольклорного и антропологического истолкования сюжета «Золушки» послужили эссе «О волшебных сказках» 1939 года Джона Р.Р. Толкина, книги «Исторические корни волшебной сказки» 1949 года Владимира Яковлевича Проппа, «Тысячеликий герой» 1949 года Джозефа Кэмпбелла, «Структурная антропология» 1963 года Клода Леви-Стросса, а также работы Елеазара Моисеевича Мелетинского «От мифа к литературе» и «Структура волшебной сказки» 2001 года. В качестве примеров из фольклора и художественной литературы взяты избранные тексты XVII-XXI веков, содержащие в своей структуре сюжет «Золушки». При написании статьи мы опираемся на компаративный и сравнительно-исторический методы.

Результаты и обсуждения

В середине XX века в западном научном обществе растет интерес к сравнительной мифологии и, в конце XX века, к сравнительной истории литературы. Именно в это время появляется одна из книг, оказавшая огромное влияние не только на исследования в сфере филологии, но и в принципе на медиасферу. Так в 1949 году была опубликована книга «Тысячеликий герой» Джозефа Кэмпбелла, которая поведала миру о трансформации и типах героя. Мы используем материалы, проанализированные и приведенные исследователем в книге,

для примера изменений и роста Золушки как персонажа литературы, а также как архетипического героя, повлиявшего на самосознание миллионов слушателей, зрителей и читателей.

Как отмечает Кэмпбелл, героем является «человек, который добровольно смирился со своей судьбой» [4, с. 21], а также это «мужчина или женщина, которым удалось преодолеть свои личные и конкретные исторические ограничения и прийти к универсальным, присущим всему человечеству формам» [4, с. 26]. Ученый при этом замечает, что истории с героями зачастую имеют за собой реальную историю. Из этого следует, что личное переживание не может воздействовать на восприятие некоторой проблемы социумом. Однако переживание, пережитое некоторыми индивидуумами на протяжении определенного количества времени, уже становится прецедентом и переходит в разряд архетипов, которые влияют на восприятие какой-либо общиной той или иной ситуации. Это и случилось с «Золушкой»: по многим легендам и сказкам мы можем предположить, что раньше существовало некое правило, которое обязывало младших дочерей следить за очагом. Это было отнюдь не мерой наказания или отчуждения от семьи, как может показаться читателю, привыкшему видеть в Золушке жертву домашнего террора. Младших дочерей оставляли следить за очагом по самым разным причинам: младшие как более «чистые» из всех детей, но также зачастую младших дочерей прятали дома, у очага, чтобы не было конкуренток при сватовстве.

Кэмпбелл отмечает, что «герой сказки – младший или презираемый ребенок – обретает необычайные способности и одерживает победу над теми, кто его обижает» [4, с. 48], что также подтверждает идею о том, что младшими или презираемыми детьми были не те, которых не любили, а которым по законам того или иного региона не полагалось наследство и они понимали свое положение в семье.

В своей работе по исследованию структуры волшебной сказки Елеазар Моисеевич Мелетинский отмечает, что в сказках типа «Золушки» мифологический код сменяется на социальный, «так что даже нарушение семейно-брачных норм сильно завуалировано и заслонено картиной семейной эксплуатации Золушки мачехой – изображением социального угнетения на семейном уровне» [8, с. 94].

Исследование значения в сказке нахождения Золушки непосредственно у очага является одним

из важнейших для сюжета. То, что современный читатель, считает жестоким наказанием, ранее являлось высшей почестью. Кроме того, этот мотив мог быть возвращен ритуалами и мистериями, проводимыми юными девушками в честь античных богов. Бруно Беттельгейм в своем анализе волшебных сказок также приходит к выводу, что образ Золушки восходит к образу жриц-весталок. Как упоминает исследователь, обычай жреческого служения богине Весте в течение тридцати лет сложился поздно и изначально служение длилось всего пять лет [2, с. 378], а примерно такое же время Золушка провела в качестве прислуги в родном доме. Возможно, что низкое положение Золушки и ее роль в семье связаны с крахом языческой эпохи, в результате которого девушки, поддерживающие огонь негасимым, потеряли свой изначально высокий статус [2, с. 379].

Анализируя путь героя, Кэмпбелл упоминает все шаги его становления и отмечает, что первая миссия «заключается в том, чтобы удалиться из внешнего мира» [4, с. 23], постараться разобраться в своем духовном мире и найти пути искоренения зла. После кончины матери, которая, по мнению антрополога, является некой логичной отправной ситуацией для начала трансформации героя, Золушка замыкается в себе и подчиняется указам мачехи. Каждый день пребывая в скорби, Золушка переживает чувства, ведущие ее к трансформации. Для инициации должно прийти определенное время и человек, не готовый пройти через данные ему испытания, никогда не будет инициирован. Во всех религиях принято скорбеть определенный отрезок времени и в это время не могут быть проведены обряды инициации, так как они нарушают душевные переживания инициируемого и переход пройдет неуспешно. Переживая утрату матери, Золушка проживает свой путь к инициации из девы в мать: она плачет как об утрате матери, так и о скором окончании девичества.

Золушка или Зольник являются довольно типичными героями: если читатель привык к тому, что герои делают невозможное и преодолевают испытания, данные им неким тираном – как, например, Геракл выполнял задания Эврисфея – то и избранный нами герой проходит через не менее трудные испытания. Так в сказке «Аскеладд и его добрые помощники» [1, с. 97] нам повествуется о том, что некий король пожелал иметь корабль, который ходит и по суще, и по морю, а тому, кто сможет его построить, он обещал полкоролевства и принцессу в жены, и Аскеладд (Зольник) с помощью некоего старичка строит такой корабль. Кроме того, благодаря встреченным по пути помощникам, он справляется и с другими невозмож-

ными заданиями короля, такими как: за день съесть три сотни бочек мяса, выпить триста бочек вина и пива за день, за десять минут добыть воды с края света, за один прием бани сжечь триста охапок дров.

Как замечает Кэмпбелл, истинный герой всегда отзыается на некий зов – «будь этот зов громогласен или едва различим» [4, с. 63]. Зовом считается любое предложение что-то создать: нечто, что раньше герой никогда не делал. Так для Зольника таким «нечто» является создание какого-то невероятного сооружения, убийство некоего монстра или свершение дела, неподвластного человеческим силам. Для Золушки же таким ответом на зов является разборка смешавшейся крупы, создание наряда и транспорта для посещения замка и, естественно, появление перед принцем, не смотря на все препятствия, подстроенные мачехой. То, что Золушка и Зольник легко справляются со всем, что уготовили им их «мучители», логично объясняется антропологом: «герой обнаруживает, как все силы бессознательного приходят ему на помощь. Сама Мать-Природа помогает выполнить великую миссию» [4, с. 86]. Хочется отметить, что «фактически зов – первая весть о приближении жреца, который проведет обряд инициации» [4, с. 88] – и здесь мы можем отметить, что несчастье и неустройство старших сводных сестер Золушки связано с тем, что свои испытания они перелагают на героиню, не проходя их сами. Поэтому Золушка меняется по ходу сказки, а сводные сестры – нет.

В некоторых версиях сказки о Золушке, например, показан страх прохождения обряда инициации. Молодые люди сами боялись этого перехода из детства во взрослую жизнь, и эти опасения также отражены в некоторых сказках. В версии Джамбаттисты Базиле Зезолла убивает первую мачеху – это может быть отсылкой к тому, что героиня не хотела «жертвовать» собой, не хотела претерпевать смерть ради перерождения и посчитала, что смерть мачехи будет достойной заменой, хотя позже ей все равно приходится проходить инициационные обряды самостоятельно.

Не менее важным для нас является тот факт, что Золушка – избранная, так как с испытаниями она легко справляется, в отличие от своих оппоненток, что Кэмпбелл отмечает как избранность героя: «Там, где обычный герой столкнулся бы с трудностями, избранный не встречает никаких препятствий и не совершает никаких ошибок» [4, с. 210]. То же самое касается Зольника, который делает невозможное и справляется со всеми испытаниями короля. Преодолевая трудности, желая слиться с богом – а Золушка связана с мотивом поклонения божествам – героиня достигает ду-

ховного роста и проходит инициацию. Ее сестры, как отмечается в текстах, зачастую ленивы и неумелы, поэтому к духовному росту они еще не готовы. Эти изменения во внутреннем образе героя Кэмпбелл также характеризует как «муки духовного роста» [4, с. 230].

Некую аллюзию на обряд инициации в кровавой форме можно заметить в греческой сказке «Σταῦτοπουτα» [17, р. 8], в которой Золушка отказывается убивать и съедать мать, тогда как ее старшие сестры предлагают ей это. Такое поведение сестер подразумевает, что они уже повзросли и готовы занять место, занимаемое матерью. Золушка тоже готова, только, в отличие от сестер, она желает занять не место матери (съев мать старшие сестры символически заняли именно ее место, то есть в этой версии можно усмотреть зависть к матери и желание заменить ее), а просто стать женщиной. Кэмпбелл также отмечает такое проявление кровожадности в самых древних обрядах перехода и приводит в пример обряд инициации у австралийских туземцев, когда некоторых юношей действительно убивали, а позднее это действие являлось отчасти театрализованным выражением агрессии старшего поколения в эдиповском преломлении [4, с. 168]. Важно отметить, что Золушку в одной из версий мачеха и сводная сестра убивают дважды: в этом акте тоже можно усмотреть отказ от смирения с переходом падчерицы из девы в мать/жену.

В главе, посвященной инициации, приводится библейский пример об Иове, который говорит о скорби в прахе и пепле: его скорбь связана с будущим счастьем – невозможно иметь что-то, не потеряв чего-то [4, с. 179]. Заметим, что Золушка, потеряв мать, посыпает себя пеплом, но все равно не перестает верить в будущую трансформацию. Говоря об образе девушки в золе, многие исследователи придерживаются практически одного и того же мнения: это символ скорби. Так нахождение в золе Беттельгейм связывает с выражением «Прахи и в прах возвратишься»: в сказке отображается древний ритуал осыпания себя пеплом в знак траура [2, с. 380]. То же было написано ранее В. Я. Проппом: проводы инициируемого были своего рода проводами на смерть, ведь некоторые юноши иногда умирали или возвращались уже другими людьми, а женщины и близкие родственники «обмазывались грязью и золой, чтобы выразить свое горе» [11, с. 256]. Джек Зайпс на тему девушки в золе замечает, что героиня «может чувствовать себя ненужной, виноватой в том, что она стала причиной смерти матери и, следовательно, хотеть запачкаться или запятнать себя, быть покинутой, тосковать по любви и защите своей умершей ма-

тери, отчаянно нуждаться в любви кого-то вне ее семьи» [18, р. 101]. Таким образом мотив героини в золе отсылает нас не только к скорби о потере, а также может означать то, что героиня готова пройти обряд инициации, и изгнание Золушки из ее собственной комнаты означает ее переход из подростковой беззаботной жизни во взрослую.

Клод Леви-Стросс в «Структурной антропологии» 1963 года выдвигает такую корреляцию: «зола (и сажа) соединяет очаг (на земле) и крышу (образ небесного свода)» [5, с. 236]. Таким образом, вымазанная золой героиня или герой являются связующим звеном между внешним и внутренним миром. Они считаются отщепенцами не только по социальному/бытовому положению, но и по отличию в духовной составляющей. Связь героини типа Золушки с потусторонним миром через помощь матери с того света можно заметить не только в сказках до XX века, но и в современных произведениях, в которых героиня тесно связана со смертью: посещает могилу матери [12], ходит по полю боя с убитыми и ранеными, пытаясь магией помочь выжившим [9], оказывается воскрешенной в именном склепе [16], призывает демона и проваливается в ад [15] или же вспоминает об умершем родителе и он, волею судеб, оказывается воскрешен и называет героиню законной наследницей престола [10].

Мелетинский же усматривал в связи героя с пеплом «прежде всего социальное унижение героя» [6, с. 56]. Так после победы патриархата, миорат уступил место майорату и наследство передавалось старшему из детей, младший же становился обездоленным.

Возвращаясь к исследованию Джозефа Кэмпбелла о пути и росте героя в устной и письменной традиции, мы хотим отметить и рост Золушки как персонажа. Так, благодаря исследованиям антрополога мы можем предположить то, что история Золушки и ее сюжет заимствованы из реальной жизни: некогда произошел прецедент, а позже люди начали анализировать похожие ситуации в их коммуне, а также в соседней и так далее, и осознали, что историй о Золушке множество, а ее сюжет должен стать поучительным.

Выводы

Собранный и обработанный Кэмпбеллом мифологический, религиозный, и культурный массивы информации позволяют нам выделить те события, которые повлияли на образ бедной и несчастной хранительницы очага:

1. Младшие дочери как девственные хранительницы огня;

2. Постоянное нахождение младших дочерей внутри дома позволяло старшим дочерям избегать конкуренции во время сватовства;

3. Истории о герое в золе связаны с периодом скорби по погибшему, а его одиночество – добровольное изгнание ради единения с собственными переживаниями;

4. Изгнание и испытания героя как аллюзия на обряд инициации;

5. На образ Золушки повлияли образы богов возрождения – это заметно по нахождению героя в золе как феникса в пепле, а также по многочисленным отсылкам в сказках на весенний праздник, который героиня и посещает, и на котором производит незабываемое впечатление на гостей, очаровывая принца или короля.

Работа антрополога позволяет нам осознать, что в мире существует несколько типов героев, истории о которых пересказываются и модернизируются, а история о Золушке – одна из них. В каких-то местностях девственными жрицами, хранящими огонь, были девы, в других – юноши, из-за этого в мире появился образ Золушки и Зольника. В некоторых регионах воспользовались этой двойственностью и вплели в фольклор истории как о Золушке, так и о Зольнике одновременно, что позволяло слушающему историю ассоциировать себя с героем и понять, что нужно делать, в каком направлении продолжать двигаться.

Леви-Стросс также отмечает, что трикстер, как и Золушка является медиатором, отчего и происходит «двуисмысленность и противоречивость его характера» [5, с. 237]. Современные героини типа Золушки зачастую берут на себя роль некоего трикстера: благодаря обдуманным или нечаянным ходам главной героини меняется устоявшийся жизненный строй общества, в котором она живет. Современные Золушки из-за своей пограничности

также могут апеллировать к образу трикстера: являясь дочерьми не только представителей разных народов, но и разных волшебных рас, героиня считается и Своей, и Чужой в королевстве, так как в ней течет кровь и того, и другого народа. Можно считать, что современная Золушка становится трикстером-ведущим в некоторых фэнтези-романах XXI века [13, с. 82-85].

В завершении данной статьи хочется также упомянуть, что Мелетинский и Леви-Стросс считают героя типа Золушки медиатором, связывающим высокое и низкое, и позволяющим двум расходящим мирам соединиться. Мы считаем, Золушка до сих пор является медиатором в произведениях на одноименный сюжет. С ростом популярности произведений, сосредоточенных на моральных и физических трансформациях одного героя (чаще всего мужского пола), появляется и потребность в таком же ярком женском образе [3, с. 181-186]. Сказка о Золушке из-за своей гибкости является хорошим объектом для презентации разных идей, а сама героиня, являясь медиатором, в современных произведениях скорее связывает не только богатых и бедных, но является посредником между старым и новым строем: она выросла на идеях давно устаревших, и желает изменений не только для себя, но и во имя лучшей жизни для своих детей, своего особенного народа и так далее.

Сам образ героини не стоит на месте и также трансформируется, подстраивается под запросы общества и продолжает быть актуальным для подрастающего поколения. Так что сюжет о Золушке, в отличие от многих других популяризованных сказок о «принцессах», никогда не перестанет быть актуальным для общества, так как обладает определенной гибкостью и способностью вбирать в себя самые разные идеи.

Список источников

1. Аскеладд и его добрые помощники. Норвежские волшебные сказки / сост. Е. Рачинская, худ. Т. Киттельсен. М.: Издательство АСТ, 2020. С. 97 – 106.
2. Беттельгейм Б. «Золушка» // О пользе волшебства. Смысл и значение волшебных сказок: пер. с англ. Е. Семеновой. М.: ИОИ, 2020. С. 351 – 413.
3. Габбасова Д.А. Чудинова Н.А. Феминизация архетипа "героя" в современной культуре. Социальные и гуманитарные науки: теория и практика, 2017. С. 181 – 186.
4. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / пер. с англ. ООО «Прогресс книга», 2022. СПб.: Питер, 2022. 544 с.
5. Леви-Строс К. Структурная антропология: пер. с фр. Вяч.Вс. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
6. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. 2-е изд., испр. М.: РГГУ, 2019. 170 с.
7. Мелетинский Е.М. Структурно-типологическое изучение сказки/ Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001. С. 163 – 199.
8. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки / Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001. С. 11 – 122.

9. Миллер Р. Рассекреченное королевство. Книга третья. Власть: пер. с англ. Е. Николенко. М.: Эксмо, 2021. 352 с.
10. Пратчетт Т. Ведьмы за границей: пер. с англ. П. Киракозова. М.: Эксмо, 2021. 368 с
11. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2021. С. 163 – 635.
12. Саммер Х. Принцесса пепла и золы: пер. с нем. Е. Кузнецовой. М.: Эксмо, 2021. 320 с.
13. Тимофеева М.Н. Эволюция роли трикстера в мировой литературе. Символ науки, 2021. С. 82 – 85.
14. Толкин Р.Р. Джон. Чудовища и критики: пер. с англ. С.Б. Лихачева, М. Артомонова, П. Иосад, О. Гаврикова. М.: Издательство ACT, 2018. 416 с.
15. Харвуд Дж. Дж. Тьма в хрустальной туфельке: пер. с англ. А. Сешт. М.: Эксмо, 2022. 432 с.
16. Bayron K. Cinderella is dead. London: Bloomsbury, 2020. 389 p.
17. Cox M.R. Cinderella. Three hundred and forty-five variants. Cinderella, Catskin, and Cap O'Rushes, abstracted and tabulated, with a discussion of mediæval analogues, and notes. London: published for the folk-lore society by David Nutt, 1893. 535 p.
18. Zipes J. Why Fairy Tales Stick: The Evolution and Relevance of a Genre. New York: Taylor & Francis Group, cop. 2006. 348 p.

References

1. Askeladd and his good helpers. Norwegian fairy tales. Compiled by E. Rachinskaya, illustrated by T. Kittelsen. Moscow: AST Publishing House, 2020. P. 97 – 106.
2. Bettelheim B. "Cinderella". On the benefits of magic. The meaning and significance of fairy tales: trans. from English by E. Semenova. Moscow: IOI, 2020. P. 351 – 413.
3. Gabbasova D.A. Chudinova N.A. Feminization of the "hero" archetype in modern culture. Social Sciences and Humanities: Theory and Practice, 2017. P. 181 – 186.
4. Campbell J. The Hero with a Thousand Faces. translated from English. OOO Progress Kniga, 2022. SPb.: Peter, 2022. 544 p.
5. Levi-Strauss K. Structural Anthropology: trans. from French by Vyach.Vs. Ivanova. Moscow: EKSMO-Press Publishing House, 2001. 512 p.
6. Meletinsky E.M. From Myth to Literature. 2nd ed., corrected. Moscow: RSUH, 2019. 170 p.
7. Meletinsky E.M. Structural and Typological Study of Fairy Tale. The Structure of a Fairy Tale. Moscow: RSUH, 2001. P. 163 – 199.
8. Meletinsky E.M., Neklyudov S.Yu., Novik E.S., Segal D.M. Problems of the structural description of a fairy tale. The structure of a fairy tale. Moscow: RSUH, 2001. P. 11 – 122.
9. Miller R. The Declassified Kingdom. Book Three. Power: trans. from English by E. Nikolenko. Moscow: Eksmo, 2021. 352 p.
10. Pratchett T. Witches Abroad: trans. from English by P. Kirakozova. Moscow: Eksmo, 2021. 368 p.
11. Propp V.Ya. Historical Roots of a Fairy Tale. Moscow: KoLibri, Azbuka-Atticus, 2021. P. 163 – 635.
12. Summer H. The Princess of Ashes and Ashes: trans. from German by E. Kuznetsova. M.: Eksmo, 2021. 320 p.
13. Timofeeva M.N. Evolution of the role of the trickster in world literature. Symbol of Science, 2021. Pp. 82 – 85.
14. Tolkien R.R. John. Monsters and Critics: trans. from English by S.B. Likhacheva, M. Artomonova, P. Iosad, O. Gavrikova. M.: AST Publishing House, 2018. 416 p.
15. Harwood J.J. The Darkness in the Glass Slipper: trans. from English by A. Sesht. M.: Eksmo, 2022. 432 p.
16. Bayron K. Cinderella is dead. London: Bloomsbury, 2020. 389 p.
17. Cox M.R. Cinderella. Three hundred and forty-five variants. Cinderella, Catskin, and Cap O'Rushes, abstracted and tabulated, with a discussion of mediæval analogues, and notes. London: published for the folk-lore society by David Nutt, 1893. 535 p.
18. Zipes J. Why Fairy Tales Stick: The Evolution and Relevance of a Genre. New York: Taylor & Francis Group, cop. 2006. 348 p.

Информация об авторе

Поспелова О.С., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4095-7216>, Российский государственный гуманитарный университет, 125047 г. Москва, Миусская площадь, д. 6, olenka0799@mail.ru

© Поспелова О.С., 2025